

УДК 81-2

THE CHURCH SLAVIC LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF THE
ARABIC LITERARY LANGUAGE

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЛИТЕРАТУРНОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В.В. Лебедев

Институт стран Азии и Африки

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

lebedev@iaas.msu.ru

Submission Date: 06.03.2019

Аннотация

Главной идеей работы является единство в его многообразии. Оно выявляется на основе сопоставительного изучения двух языковых систем: церковнославянской и арабской. Объектом сопоставления в ней являются разные варианты графем для обозначения одной фонемы, а также надстрочные знаки придыхания и ударения - в церковнославянском и структура слова - в арабском. Сопоставление выявляет, как одни и те же звуковые факты получают свое воплощение в одной языковой системе - на уровне графики, в другой - на уровне фонетической, просодической и морфологической организации слова. В ней затрагиваются также некоторые положения лингвистических традиций: европейской и арабской, в рамках которых получают свое описание и истолкование факты церковнославянского и арабского языков соответственно. Во вводной части работы приводятся обоснования лингвистической целесообразности и значимости сопоставительного изучения церковнославянского и арабского языков, каждый из которых имеет высокий функциональный статус в своем ареале. Автор исходит из предположения, что такой статус, в свою очередь, может быть обусловлен совершенством соответствующих языковых систем.

Ключевые слова: *церковнославянский язык, азбука, придыхание, ударение, литературный арабский язык, харф (сегмент слова), хамза, долгота*

Abstract

The main idea of this work is to show integrity in diversity, identified through comparative study of the two language systems — the Church Slavic and Arabic. The

subject of the comparison is various graphs marking the same phoneme, and the diacritical marks of aspiration and stress for the Church Slavic language, and the structure of words for Arabic. The comparison shows how the same phonic aspects take graphic shape in one language system and manifest themselves in word phonetics, prosody, and morphology in the other. This work also touches upon some points of linguistic traditions, European and Arabic, which define and interpret Church Slavic and the Arabic language facts, respectively. The Introduction offers linguistic rationale and significance of the comparative study of the Church Slavic and the Arabic languages, which possess a high functional status in their domains. The Author assumes that such status is a result of flawlessness of the given language systems.

Keywords: *the Church Slavic language, alphabet, aspiration, prosody, the literary Arabic language, kharf (word segment), hamza (glottal stop), length*

For citation: *Lebedev, V.V., (2019). Tserkovnoslavianskiy skvoz prizmu literaturnogo arabskogo yazika [The Church Slavic Language through the prism of the Arabic literary language]. Eurasian Arabic Studies, 6, 25-46.*

ВВЕДЕНИЕ

Церковнославянский язык (ЦСЯ) и литературный арабский язык (ЛАЯ) рассматриваются здесь впервые как объекты лингвистического сопоставительного анализа. Их совместное рассмотрение и изучение имеет несколько разноплановых и разноуровневых оснований. Каждое из них нуждается в отдельном кратком описании.

1.1. ЦСЯ и ЛАЯ как литературные языки

Оба языка относятся к группе литературных. Литературный язык, как известно, представляет собой «высшую форму существования языка» [Гухман, 1990, С. 270]. Общность культурного и социального статуса обоих языков обуславливается наличием совокупности одинаковых признаков, характеризующих специфику литературного языка. К ним специалисты относят, в частности, его обработанность, полифункциональность, стилистическую дифференциацию и тенденцию к регламентации [Гухман, 1990, С. 270], а также его правильность и образцовость в восприятии его носителей, общепонятность, стабильность и общеобязательность его норм, его преимущественное функционирование в письменной форме общения, а также

его роль как основного компонента соответствующей национальной культуры [Шмелев, 1987, С. 197].

Совместное рассмотрение церковнославянского и литературного арабского языков в контексте проблематики «литературный язык» могло бы внести некоторые уточнения в теорию вопроса в отношении диапазона сферы функционирования этой формы языка, процессов ее расширения или сужения в зависимости не только от внелингвистических, но и сугубо лингвистических факторов, связанных в первую очередь с качественными параметрами самих языковых систем.

1.2. ЦСЯ и ЛАЯ как языки религиозной коммуникации

Оба языка относятся к очень малочисленной группе языков, называемых «профетическими» (пророческими) или «апостольскими» (посланническими), на которых «оказалось впервые изложено или записано, а впоследствии канонизировано то или иное вероучение» [Мечковская, 1998, С. 259]. При этом церковнославянский, являясь с IX в. языком Восточного христианства у славян и влахомолдаван, входит в подгруппу языков, «письмо которых было создано для записи религиозного содержания» [Мечковская, 1998, С. 260]. В этой подгруппе находятся также ведийский, санскрит, древнееврейский и арамейский, авестийский и пали. Что же касается «классического арабского», который с VII в. стал языком Ислама, то вместе с древнекитайским, древнегреческим и латинским он входит в подгруппу языков, «уже прежде обладавших значительной письменно-литературной традицией и позже использованных для записи вероучительных текстов» [Мечковская, 1998, С. 260]. В рамках группы «профетических» языков, языков религиозной коммуникации ЛАЯ и ЦСЯ соприкасаются друг с другом в обладании одинаковыми обобщенными отличительными чертами и признаками, которые характеризуют эту группу языков. К ним специалисты относят, в частности, восприятие соответствующего языка его носителями как «неотъемлемую часть веры» [Мечковская, 1998, С. 261]; его функционирование как культового языка определенной религии или ее конфессии, являющегося языком ее Священного Писания, вероисповедных, вероучительных и богослужебных текстов, языком религиозных символов; его причастность к транслированию в процессе общения «универсальных заветных смыслов, самых важных для человека и общества» [Мечковская, 1998, С. 4]; здесь же отмечается также «внутренняя и «множественная», едва ли не с каждым словом связанная, зависимость «заветных смыслов» от своей языковой формы», а также отнесенность

культового языка, как и религии вообще, к «области повышенного внимания к слову» [Мечковская, 1998, С. 4].

1.3. Взаимодействие ЦСЯ и ЛАЯ на одной территории

ЦСЯ и ЛАЯ как два языка религиозной коммуникации (из пяти) не могли не встретиться, не пересечься в реальной действительности на широком пространстве взаимодействия и симбиоза вер и языков. Эти «пересечения» не могли не оставить своих материальных следов. «Одним из особенно интересных примеров взаимодействия многих языков, систем письма, вероисповеданий, этнических групп на территории одной страны была на протяжении нескольких столетий (с XIV до XVII в. н. э. и позднее) – пишет в своей книге «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему» Вяч. Вс. Иванов – языковая ситуация Великого княжества Литовского» [Иванов, 2004, С. 101]. Он сообщает о двух «следах этого диковинного языкового мира» из многих, с которыми ему «несколько раз приходилось сталкиваться» [Иванов, 2004, С. 101]. Один касается славянской речи, записанной арабским письмом: «В семейном архиве Фирковичей («первосвященник караимов») я увидел образцы написанных еврейским и арабским письмом ранних восточнославянских текстов, составленных на территории Великого княжества Литовского» [Иванов, 2004, С. 102]; другой касается арабской речи, записанной славянским письмом: «У одного из высших мусульманских духовных лиц (муфтия) Вильнюса хранились ... бумаги с записанными кириллицей частями Корана и их славянским переводом» [Иванов, 2004, С. 103].

1.4. ЛАЯ как культовый язык Ислама и Православия

Арабско-церковнославянская пара литературных профетических языков интересна еще одним обстоятельством, которое делает их совместное рассмотрение неизбежным, настоятельным и многообещающим научно-исследовательским проектом. Это обстоятельство, насколько нам известно, не выделяется исследователями, работающими по теме «Язык и религия». Оно заключается в том, что литературный арабский язык является культовым языком не только для Ислама. Арабский язык в полной мере, без изъятий, является также культовым языком и для культурно-религиозного мира Православия на Арабском Востоке. Он используется как язык религиозной коммуникации и рядом христианских конфессий этого региона. В этом качестве он изучается и преподается в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в рамках специализации 021746 «Древние языки христианского Востока», которая входит в образовательный стандарт 021700

«Филология». Церковнославянский язык также входит в учебные планы ПСТГУ. Таким образом, его студенты, а затем и специалисты по указанной специализации уникально совмещают знание этих двух языков.

1.5. Церковнославянский-арабский параллельный корпус

ЛАЯ и ЦСЯ имеют в своем распоряжении большой объем общих текстов, представленных религиозными книгами Православия. Особый интерес для исследователя обеих языковых систем представляет то обстоятельство, что эти общие тексты в обоих языках являются переводами, но не с одного из них на другой, а независимыми друг от друга переводами на каждый из них с третьего языка. В данном случае им является греческий.

Языковая ситуация, характеризующая мировое Православие, можно сказать, реально обеспечивает лингвистическое сообщество греческо-арабскими, греческо-славянскими и арабо-славянскими битекстами, позволяющими ставить и решать широкий спектр лингвистических проблем. В руках исследователей арабского и церковнославянского языков «волею судеб» уже имеется готовая «битекстовая база данных», т.н. «параллельный корпус» *parallel corpus*, над созданием которого в новейшее время для других языковых пар работают многочисленные коллективы специалистов¹.

Православный параллельный корпус арабского и церковнославянского языков² как и любой подобный корпус может быть лишь инструментом конкретного лингвистического исследования. Но вместе с тем, уже своим наличием он создает предпосылки для выдвижения и решения новых исследовательских задач, которые ранее не представлялись возможными или считались трудноразрешимыми.

1.6. ЛАЯ и арабская языковедческая традиция

Литературный арабский и церковнославянский – хорошо изученные и подробно описанные языки, каждый – в рамках своей языковедческой традиции.

Для арабского языка это арабская языковедческая традиция, «сложившаяся и существовавшая в культурном ареале Арабского халифата в 7-14вв.» [Габучан, 1990, С. 39]. Она имеет «практическую направленность», связанную с «необходимостью обучать арабскому языку, языку государственности и языку

¹ Так, в составе «Национального корпуса русского языка» имеется «Англо-русский параллельный корпус»; в Китае создан «Параллельный корпус русского и китайского языков» объемом в 5 миллионов словоупотреблений на основе 10 монографий в области политики, международных отношений, лингвистики и литературоведения на русском языке и их переводов на китайский [Тао Юань, 2018, С.5]

² Ему недостает, однако, для его «официального функционирования» выравнивания, но оно экономно может быть произведено в рамках каждого конкретного лингвистического исследования.

Корана, и изучать этот язык» [Алпатов, 2005, С. 13]. Объектом ее исследования является «арабская поэтическая и прозаическая речь в устной и письменной формах, а предметом – нормативность языковых выражений» [Габучан, 1990, С. 39]. Она использует методики «формального и функционального анализа», приемы «моделирования просодической и словообразовательной структуры слова», разбирает «лексическое значение слова», «разграничивает план содержания на смысловые и функциональные значения», изучает «высказывание и адекватное ему построение речевых образований», исследует «взаимообусловленность высказывания и ситуативного контекста», анализирует «предложение в синтезе его формального и актуального членения» [Габучан, 1990, С. 40]. Со 2-й половины 8в. в ее недрах разрабатывается и активно развивается «теория арабского языка как самостоятельный раздел филологической науки» [Габучан, 1990, С. 39]. Она учитывает формальные, функциональные, семантические, прагматические и, даже, семиотические факторы в деятельности арабской языковой системы. Она имеет развитый понятийный аппарат, отличается методологической строгостью и последовательным системным подходом к явлениям языка и речи. Разработанные ею «идеи морфологического исследования (понятия корня, внутренней флексии и аффиксации) были заимствованы при некотором преломлении европейским языкознанием 18-19 вв.» [Габучан, 1990, С. 40]. Факты литературного арабского языка, рассматриваемые в этой работе, представляются в категориях арабской языковедческой традиции, которая «складывалась на основе научных трактатов, посвященных классическому арабскому языку и написанных исключительно на этом языке» [Габучан, 1990, С. 39]. Тем самым, она по своей сути отражает непосредственное видение арабского языка самими его носителями.

1.7. ЦСЯ и европейская языковедческая традиция

Церковнославянский язык исследован и описан в рамках другой языковедческой традиции. Его текстовой массив – в той его части, которая входит в произвольно сложившийся арабо-церковнославянский параллельный корпус и является здесь объектом нашего интереса, - представляет собой переводы с греческого (так же, как и арабская часть арабо-греческого параллельного корпуса). При этом, по свидетельству специалистов, перевод на церковнославянский «так точен, что по нем можно было бы почти безошибочно восстановить подлинник, если бы он утратился: сколько слов в подлиннике, столько же и в переводе; каждое слово в последнем стоит именно

на том месте, которое занимало в первом; не оставлена без перевода ни одна частица; везде переведен даже член» [Нахимов, 1912, С. 337]. Церковнославянский, как и греческий получил свое описание на базе методов и принципов античной (греко-латинской) языковедческой традиции.

Факты церковнославянского языка представляются здесь в категориях европейской лингвистической традиции, которая, как известно, изначально не была нацелена на изучение и описание церковнославянского языка. Эти факты и их интерпретации заимствуются нами в данной работе из «Грамматики церковно-славянского языка» Иеромонаха Алипия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Церковнославянская азбука как объект сопоставительного изучения ЦСЯ и ЛАЯ

Первым объектом церковнославянского языка, который небезынтересно рассмотреть сквозь призму арабского, является «церковно-славянская азбука» [Алипий, 1991, С. 17]. Конкретно речь идет об отдельных церковнославянских буквах, а также о знаках придыхания и ударения. Европейскими грамматистами связанные с ними языковые явления рассматриваются в контексте орфографической проблематики. А взгляд на них сквозь призму арабской языковой системы и арабской языковедческой традиции дает возможность «увидеть», «уловить» и «подметить» в церковнославянских буквах и знаках наряду с орфографическими и проблемы другого уровня. Дело в том, что арабская азбука имеет дело по сути с теми же звуковыми фактами, что и церковнославянская. Но подходит она к ним с совершенно иных позиций - с позиций ритмического и морфологического построения арабского слова. Естественно, что такое «видение» придает «азбучным» фактам более широкое измерение, которое может затрагивать и некоторые базовые принципы организации человеческого языка.

Церковнославянская азбука содержит 40 букв [Алипий, 1991, С. 17]. 37 из них имеют, как минимум, два варианта – это строчная и прописная буквы, а 3 буквы (ерь, еры и ерь) - только один, строчной вариант. Это свидетельствует о том, что эти три буквы не востребованы в начале слова. Таким образом уже на уровне графического представления языковая система подает сигнал об особом статусе «начала слова», и шире – о семиотической значимости позиции, которую занимает и может занимать та или иная языковая единица. Сама же позиция, будь то орфографическая, или фонетическая, или морфологическая,

или синтаксическая, относится к активнодействующим системообразующим компонентам языка.

В церковнославянской азбуке имеются также буквы, которые имеют еще один начертательный вариант, помимо оппозиции строчная/прописная. Это буквы «есть», «онъ», «ук». Кроме того, имеются пары букв с разным начертанием и одинаковым звуковым содержанием. Это буквы «иже» и «і», «онъ» и «о (омега)». Все они связаны с графическим отражением звуков, которые в европейской лингвистической традиции называются гласными.

В арабской азбуке гласных нет. Нет в том смысле, что отражаемая её графемами фонетическая реальность не сводится только к гласному или только к согласному звуку. Это относится ко всем арабским графемам, включая и те три, которые носители европейской традиции связывают с выражением т. н. «долгих гласных»: ā, ū, ī. Очевидно, что сопоставление двух практически противоположных «азбучных» систем, одна из которых практически не имеет графем для обозначения гласных звуков (арабская), а другая «избыточествует» ими для обозначения одного и того же, как она считает, звукового содержания (церковнославянская), – не может не быть результативным с точки зрения выявления причинно-следственных отношений между графическими и фонетическими элементами одной из таких систем.

Правила церковнославянской грамматики, регулирующие выбор графического знака, учитывают следующие факторы и обстоятельства: 1) написание «в начале», 2) написание в «середине и в конце слова»; 3) различие «падежей двойственного и множественного числа от созвучных им падежей единственного числа – эти факторы относятся к вариантам буквы «есть», буквы «укъ» и буквенным парам «онъ» и «о(мега)», «я» и «малый юс» [Алипий, 1991, С. 18]; 4) написание «перед согласными»; 5) написание «перед гласными»; 6) написание «перед согласными в словах иностранных» [Алипий, 1991, С. 18] – эти факторы относятся к буквам «иже» и «і» [Алипий, 1991, С. 18].

2.2. Что видит арабист в церковнославянской азбуке и какие вопросы он ставит

Наблюдая над внешней формой обсуждаемых графических знаков арабист, в силу имеющихся у него фоновых знаний, пожалуй, быстрее чем кто-либо иной, отметит некую «зависимость» внешнего вида церковнославянской буквы от той позиции, которую ей «предписано» занимать в слове. Так, в позицию «в начале слова» «приглашается» графический знак, более «солидный», более «массивный» и более «трудоемкий» при его написании, чем созвучный ему

«конкурент». «Приглашенный» в эту позицию как бы всем своим «утяжеленным» видом и увеличенной за счет использования дополнительных графических элементов массой показывает, что объем информации, передаваемый им, непременно больший, чем тот, который передается его «оппонентом». Символизм физической формы графического знака здесь «налицо». Вместе с тем, церковнославянская грамматика вправе его не замечать и не придавать ему какой-либо объясняющей силы. В такой ситуации оправданными могут оказаться ожидания, возлагаемые на принципиально иной подход, каким может оказаться, в частности, и сознательный «взгляд со стороны», т.е. с позиций иной языковой системы и иной языковедческой традиции. Взгляд на церковнославянский со стороны арабского по причинам, изложенным в начале этого сообщения, нам представляется оптимальным.

Еще одна проблема церковнославянской азбуки, которая «экономично» решается с привлечением «взгляда со стороны», связана с наличием «полугласных (ерь) и (ерь), которые когда-то имели «свое краткое произношение», но «потеряли» его [Алипий, 1991, С. 12]. Чем обусловлена такая «потеря» и насколько она неизбежна? Каковы необходимые и достаточные условия для сохранения «краткого произношения»? И, наконец, какой должна быть языковая система, не допускающая такого рода «потерь»? Арабская языковая система в ее интерпретации арабской языковедческой традицией кратко и без запинки, как мы увидим ниже, может ответить на эти вопросы.

2.3. Надстрочные знаки в ЦСЯ

Помимо букв церковнославянское письмо имеет «надстрочные знаки», к которым относятся: а) Ударения, б) Придыхания, в) Титла» [Алипий, 1991, С. 20]. Для славянско-арабского сопоставления интерес представляют ударения и придыхания. Титла также, как нам представляется, могут быть приведены к общему знаменателю с некоторыми характерными особенностями арабского письма.

2.4. Ударения в ЦСЯ

Ударение словесное в письменной церковнославянской речи передается графически, согласно греческому образцу. Для этого используются небольшого размера надбуквенные знаки, помещаемые над гласным элементом физического носителя ударения. Таких знаков три. Они соответствуют трем видам церковнославянского (и греческого [Соболевский, 2004, С. 9]) ударения: острому (оксия) ´, тяжелому (вария) ` , обложенному (камора) ^ [Алипий, 1991,

С. 20]. Вид ударения определяется позицией ударного элемента в слове: «в начале или середине слова» – острое, «в конце слова» – тяжелое [Алипий, 1991, С. 20], «на одном из двух последних слогов» – если основываться на греческом прототипе – обложенное [Соболевский, 2004, С. 15]. Вид ударения может быть обусловлен и количественными параметрами своего носителя – «обложенное ударение в греческом может стоять только на слоге долгим по природе» [Соболевский, 2004, С. 15], т.е. «на слоге, который содержит долгий гласный звук» [Соболевский, 2004, С. 11]. Кроме того, разные ударения могут использоваться для различения сходных падежных форм – обложенное ударение «над падежами двойственного и множественного числа, сходными с падежами числа единственного» [Алипий, 1991, С. 20]. В устной же речи «в древнем греческом произношении эти ударения различались; но мы ... все слоги с ударением произносим одинаково» [Соболевский, 2004, С. 9].

Система ЦСЯ как бы консервирует собой даже не праславянское, т.е. в конечном итоге «свое» состояние, а состояние своего древнегреческого прототипа, в котором ударение строилось на совершенно иных принципах, когда «слог с ударением произносился более высокой нотой, чем слог без ударения» и где «острое» ударение означает более высокую ноту, «тяжелое» ударение – более низкую ноту», а «слог с обложенным ударением произносился так, что на первой его части было повышение голоса большее, чем на второй», поэтому и «знак обложенного ударения представляет собою соединение знаков острого и тяжелого ударения» [Соболевский, 2004, С. 17]. Есть основания предположить, что такая прагматически не мотивированная консервация осуществляется в силу непреложного всеобщего закона преемственности и сохранения, действующего во всех естественных системах, включая знаковые, и направленного на поддержание жизненно необходимого единства бытия.

2.5. Ударение в арабской и европейской языковедческих традициях

Арабская языковедческая традиция обходится в описании и графической, и фонетической подсистем арабского языка без понятия «ударение». Европейская лингвистическая традиция не обходится без него ни при описании «своих», ни при описании «чужих» языков. При сопоставительном изучении привлечение ее теоретических фактов, отражающих общие принципы построения и функционирования языковых систем, становится необходимым.

Ударение определяется в ней как «выделение в речи» [Виноградов, 1990, С. 530]. Выделяется «та или иная единица в последовательности однородных единиц». Средства выделения – «фонетические». Физическим носителем

ударения выступает «слог или мора». Ударение осуществляет «выделение просодического центра слова» с целью «обеспечения цельности и отдельности слова». В ударении выделяют «три фонетических компонента»: «интенсивность», «высота голосового тона», «длительность». Преобладающий для конкретной языковой системы фонетический компонент ударения определяет фонетический тип ударения: «динамический», «музыкальный» и «количественный». Последний тип ударения, как отмечается, «в чистом виде ... не зарегистрирован» [Виноградов, 1990, С. 530].

Европейской теорией ударения учитывается также как «неотмеченность ударения» в одних языковых системах, так и «возможность двух ударений»: «главного» и «второстепенного» (слабого побочного) в других.

В ней подчеркивается и роль восприятия в диагностике феноменов, подпадающих под рубрику «ударение». Так, «носители русского и английского языков, считающихся языками с динамическим ударением, воспринимают долгие гласные (или гласные с повышением тона) как ударные, т.е. интенсивность для них – не единственный признак ударения. Установлено, в частности, что для русского ударения длительность – важнейший компонент...» [Виноградов, 1990, С. 530].

2.6. Придыхания в ЦСЯ

В описательной части «Грамматики церковно-славянского языка Иеромонаха Алипия о придыхании сообщается о подоплеке постановки этого надстрочного знака в церковнославянском письме – «по образцу греческого» и о его позиции – «над начальной гласной» [Алипий, 1991, С. 20]. Другой информации в ней нет³. Во введении к «Грамматике», где излагается, в том числе, и краткая история церковнославянского, сообщается также, что «знаки придыхания и ударения входят в употребление уже как орфографическая принадлежность текста» «в полууставе, который появился в конце XIV в.» – до этого «эти надстрочные знаки не во всех рукописях соблюдались» [Алипий, 1991, С. 10].

По свидетельству автора «Грамматики церковно-славянского языка» «писатель конца XIV в. и начала XV в. Константин Констенческий, чтобы помочь усвоению орфографии в написании дасии и апострофа (дасия – придыхание, апостроф – придыхание с ударением) делает следующую аналогию: **гласные – это жены, согласные – это мужья** (Выделено нами В.Л). Жены могут быть с непокрытой головой только в присутствии своего мужа; так и гласные при согласной не имеют дасии или апострофа. Если жена выходит на улицу или в

³ Более подробную информацию о придыхании в греческом первоисточнике см. в [Соболевский, 2004, С.9].

общество, она должна быть с покрытой головой, иначе она позорит свою честь ... так и **гласная без согласной должна иметь на себе покров – дасию или апостроф** (Выделено нами В.Л). Над согласной не должно ставить этих знаков, так как покров для мужчины – срам ему ... При встрече двух согласных, относящихся к разным слогам, должен стоять **_**(ерокъ), как сторож или свидетель, предупреждающий «претыкание» [Алипий, 1991, С. 10].

Эта любопытная «аналогия» в контексте церковнославянской орфографии имеет сугубо дидактическое значение и мнемоническое предназначение. В контексте же характеристики морфологической, просодической, фонетической и графической структуры арабского слова она касается фундаментальной основы этой структуры и, возможно, фундаментальных основ устройства человеческой речи вообще, которые должны же «выходить на поверхность» и становиться очевидными в какой-либо или каких-либо из языковых систем.

Славянское (вслед за греческим) придыхание дает, таким образом, возможность установить некоторые «узловые точки» скрытого за завесой орфографии определенного системообразующего механизма языка. Такими «узловыми точками» являются позиция гласного в начале слова и позиция гласного «без согласного», т.е. после другого гласного в середине слова.

2.7. Ритмическое и морфологическое построение слова в ЛАЯ

Проблемы, которые в церковнославянском обнаруживают себя на орфографическом уровне (дублетные буквы, ударения, придыхания; титлы), в литературном арабском языке решаются на уровне морфологической и просодической структуры слова, требованиям которой неукоснительно подчиняется арабская графика.

2.7.1. Минимальный сегмент структуры слова в ЛАЯ -харф

Построение арабского слова отлично от церковнославянского. Минимальной единицей морфологической и просодической структуры арабского слова – любого слова этого языка является парный сегмент. Его составляют согласный (С) и гласный (V). Парность, бинарность - его обязательные качества, его имманентные свойства. В арабской языковедческой традиции такой сегмент (= 1 море) называется *харф* ḥarf (ra sa ma / ra sa m⁰ Он рисовал- букв: рисовал-он 3 харфа – полная/паузальная формы слова: CV CV CV / CV CV C⁰). Фонетическая интенсивность, воспринимая носителями русского языка как ударение, приходится здесь на «стартовый», «начальный», первый сегмент/харф треххарфового слова.

Термином харф обозначается также минимальный сегмент арабской системы письменных знаков – «буква, графема» ḥarf. Их в арабском алфавите 28⁴.

Арабская «буква» ≠ церковнославянской: она обозначает не отдельный звук или фонему, а харф – «речевой сегмент, имеющий морную характеристику и состоящий из согласного и краткого гласного» [Габучан, Лебедев, 1990, С.38]. Такой сегмент (или его часть) может служить для обозначения одной, или двух, или даже трех морфем⁵. Арабская «буква» = 1 харф = 1 мора = 1 графема.

2.7.2. Арабский харф – неразлучные «муж и жена»

Используя церковнославянскую аналогию начала XV века, подчеркнем, что арабская «буква» – это нераздельная пара: «муж» - согласный и «жена» - гласный. При этом, главной обязанностью арабской «жены» - гласного является не соблюдение правил приличия и радение о «чести», своей и мужниной, а неременное следование за своим «мужем» - согласным.

С каждым из 27 «мужей» - согласных арабской азбуки в каждом отдельно взятом слове должна находиться одна из трех «жен» - гласных: либо *a*, либо *u*, либо *i*. В сакральных текстах, в поэзии и в учебной литературе гласный отображается на письме соответствующим надстрочным или подстрочным значком. В арабской языковедческой традиции он обозначается термином ḥaraka ‘движение’, в арабистике – термином огласовка.

«Жена» - гласный может «отсутствовать» физически здесь и сейчас. При этом предназначенное ей место, ее позиция в структуре харфа и слова сохраняется. «Парность» минимального сегмента арабской речи не нарушается. Это выражается в том, что временное пространство, занимаемое харфом, другими словами, длительность арабского харфа-моры остается неизменной, вне зависимости от того, находится ли «жена» сейчас физически при «муже», или нет. Для арабской просодии и арабской морфологии, у которых неизменно парный сегмент CV - харф находится «в совместном пользовании», CV = C0. При этом очевидно, что позиции, обозначаемой как нулевая, не чужд некий материальный субстрат, который, среди прочего, уже более 14 веков препятствует оглушению звонкого согласного в структуре сегмента типа C0.

⁴ Этим же термином обозначается также и незначительная часть речи, противопоставленная двум знаменательным частям ḥarf-ам, названным «именем» и «глаголом», которые различаются своими сочетательными возможностями в процессе порождения высказывания. Это – не получившая своего названия часть ḥarf, включающая в себя предлоги, модальные и др. частицы и союзные слова.

⁵ Например, харф wāw, присоединяемый к именной основе 'al-rassāmūna, является показателем значений множественного числа, лиц мужского пола и именительного падежа. А гласный компонент конечного сегмента именной или второй глагольной основы u: 'al-rassāmu ‘художник’, yarsumu ‘рисует-он’ является показателем прямого словоизменительного значения (им. п.).

Подобие этому субстрату можно обнаружить в церковнославянском, вероятнее всего, в виде звуков (знаков) **ерь** и **ерь** (которые в древнеславянском языке «представляли собой сокращенные гласные с нечеткой артикуляцией (выговором): **ъ** произносился как краткое неясное «о», **ь** – как краткое неясное «е» [Алипий, 1991, С.24]. Таким образом, арабское слово *ra s0 muⁿ / ra s0 m0* рисунок 3 харфа – полная/паузальная формы в церковнославянской транскрипции выглядело бы как *ра съ муⁿ / ра съ мь*).

Как и «жена» - гласный «отсутствовать» в харфе может и «муж» - согласный. При этом его место, его позиция, его временное пространство при его физическом отсутствии «в паре» сохраняются. Его отсутствие также не меняет релевантной для просодии и морфологии бинарности минимального арабского сегмента – харфа: CV = 0V (*ra sa ma* букв: нарисовал-он 3 харфа: CV CV CV; *da 0a ruⁿ/da 0a r0* дом 3 харфа: CV 0V CV).

Отсутствие одного из обязательных компонентов харфа – согласного или гласного передается на письме в текстах указанных жанрах единым надстрочным знаком – «анти-огласовкой». В арабской языковедческой традиции он обозначается термином *sukūn* ‘покой’ [Лебедев, 2014, С. 111], в арабистике – термином *сукун*.

2.8. Согласный хамза в ЛАЯ

В арабской графике надстрочным/подстрочным значком, а не графемой, для своего письменного обозначения пользуется и один согласный звук. Он «входит в консонантный состав арабского языка и классифицируется как гортанный, или ларингальный, смычный согласный» [Аганина, 2012, С. 163]. Он представляет наибольший исследовательский интерес в плане сопоставления двух древних языков: ЛАЯ и ЦСЯ. Этот согласный, как и передающий его на письме значок, называется *hamza* ‘укол’. Согласный *hamza* функционирует как любой другой согласный компонент фонетической структуры арабского слова. Кроме того, он осуществляет дополнительную «протетическую» функцию, востребованную в устной арабской речи.

В рамках сопоставительного изучения ЛАЯ и ЦСЯ небезынтересно отметить, что в принятой в европейской арабистике транскрипции арабская *hamza* передается тем же значком, что и придыхание в церковнославянском (и греческом) – [’]. А европейские учебники арабского языка учат «похожий звук ... слышать», например, «в русском языке, если при стечении двух гласных звуков сделать очень четкое разграничение между ними (*со-автор.., у-Ивана, по-одному*)» [Сегаль, 1962, С. 59], а изучающим арабский немцам

рекомендуется произносить этот звук «как в немецких словах «'anders», «'innen», «'unter», поскольку в немецком «он произносится в каждом слове, начинающемся с гласного. Специальной буквы для него нет. В английском языке этот звук называется «glottal-stop» [Reuschel, 1977, С. 24].

2.9. Позиции в слове и позиционные ограничения для харфов в ЛАЯ

Возвращаясь к характеристике арабского харфа как минимального парного сегмента арабского слова следует отметить его еще одну, релевантную для сопоставительного исследования, особенность. Она связана с позиционными ограничениями на функционирование двух его разновидностей: харфа с «присутствующим» гласным *ḥarf mutaḥarrrik*, «харфа движущегося», и харфа с «отсутствующим» гласным или согласным *ḥarf sākin*, «харфа покоящегося». Релевантными позициями для «запрета на харфы» являются – как и в церковнославянском для его графических знаков – позиция в начале слова, позиция в конце слова и позиция в середине слова.

Позиция в начале слова видится со стороны арабского харфа как позиция резкого прекращения «покоя» (молчания) и перехода к полноценному «движению» (говорению). В этой позиции не должно быть сегмента/харфа с элементом покоя. В начале слова может быть только «движущийся харф» (CV). В переводе на метаязык европейского языкознания это означает, что в начале арабского слова не может быть согласного без гласного и гласного без согласного (ни C0, ни 0V).

Позиция в конце слова видится со стороны арабского харфа как позиция постепенного, с учетом инерционности процесса, прекращения «движения» и перехода к полному «покою». В этой позиции не должно быть сегмента/харфа, не содержащего элемента покоя. Это означает, что в конце арабского слова не может быть согласного с гласным. В конце слова может быть только настраивающий на «покой» «покоящийся харф» (C0 или 0V). А если морфология данного слова, отдавая приоритет формированию его реляционных и номинативных свойств, «не позаботилась о том», чтобы его последний харф был именно таким, то эту задачу решает говорящий, приводя это слово к его т.н. «паузальной форме»: для этого он упраздняет гласный компонент последнего харфа или добавляет покоящийся харф (h0). Отсюда, каждое самостоятельное арабское слово имеет две формы своего существования: полную и паузальную. Полная реализуется в контексте и может содержать в конечном сегменте/харфе определенную морфологическую информацию (*gassām^{н.п.}* «художник»). Паузальная реализуется перед паузой *waqf*

‘остановка’. Она уже не выражает принадлежащей ей морфологической информации (rassām ‘художник’). А неспособность лексической единицы, состоящей из одного харфа (некоторые предлоги, частицы, союзы и словоформы отдельных знаменательных слов), иметь две формы: полную и паузальную лишает ее возможности функционировать в качестве самостоятельного фонетического и графического слова, и оно произносится и пишется только слитно с последующим словом.

Позиция в середине слова видится со стороны арабского харфа как обеспечивающая «режим наибольшего благоприятствования» «движению». «Движению» противостоит покой». «Покой» протяженностью в полхарфа (ra sa m0 tu m0 ‘Вы нарисовали. букв: нарисовал-вы’ CV+CV+C0+CV+C0) не является для него непреодолимым препятствием. Но соседство двух «покоящихся» сегментов/харфов (C0+C0) создает для «движения» непреодолимое препятствие, и морфологической структурой арабского слова оно не допускается. В духе навеянного нам церковнославянской «аналогией» сравнения скажем, что в арабском слове два «мужа» не могут появиться вместе в отсутствии своих «жен», как и две «жены» не могут появиться вместе в отсутствии своих «мужей». На метаязыке европейского языкознания это означает, что в середине арабского слова не могут соседствовать два согласных без гласных, или два гласных.

2.10. Долгие гласные в ЛАЯ: что это такое?

Это фрагмент звучащего арабского слова длительностью в 1½ моры (1½ сегмента/харфа). Он формируется на основе двух соседних харфов с одноименными гласными. При этом обе позиции первого харфа реализуются материально: согласным и гласным. У следующего за ним харфа позиция согласного имеет нулевую реализацию, а позиция гласного реализована тем же звуком, что и у предыдущего харфа (na 0a ruⁿ/na 0a r0 полная/паузальная формы ‘огонь’, nu 0u ruⁿ/nu 0u r0 полная/паузальная формы ‘свет’, ni 0i ruⁿ/ni 0i r0 полная/паузальная формы ‘ярмо’). То, что воспринимается в арабском с позиций иной языковой системы как долгий гласный, представляет собой, таким образом, гласную часть первого харфа, реализованную конкретным гласным + согласную часть второго харфа с ее нулевой реализацией + гласную часть второго харфа, реализованную гласным, одноименным предыдущему (a0a, u0u, i0i) = 1½ моры/харфа).

Приведенная схема арабского т.н. «долгого гласного» показывает, что «долгота» возникает здесь не за счет увеличения времени звучания одного и того же гласного, а совершенно по другому «сценарию».

Долготу образуют два одноименных гласных, разделенных «микропаузой». Длительность этой микропаузы составляет $\frac{1}{2}$ моры ($\frac{1}{2}$ сегмента/харфа).

Очевидно, что гласный «на входе» в такую «долготу» и одноименный ему гласный «на выходе» из нее уже не могут быть тождественными друг другу по всем своим качественным параметрам. А эти параметры включают в себя, как известно, и тоновые характеристики. Вполне вероятно, что именно они «запускают» тот механизм, который обеспечивает материализацию «микропаузы» между двумя одноименными гласными. Таким механизмом может быть изменение тона. В этой связи уместно вспомнить греческий слог с «облеченным ударением», который произносился так, что на первой его части было повышение голоса большее, чем на второй», в отличие от «острого ударения, которое «означает более высокую ноту», и «тяжелого» ударения, которое означает «более низкую ноту» [Соболевский, 2004, С. 17]

«Долгий гласный» в ЛАЯ, будучи связанным с паузой, тесно переплетается с «ударением».

2.11. Ударение в арабском: что это такое?

Это то, что воспринимается как фонетически выделенное в арабском слове с позиции другого языка (здесь: ЦСЯ). С учетом того, что в арабском несколько лексико-грамматических единиц могут составить единую звуковую (и соотносимую с ней графическую) последовательность, целесообразно использовать в этой связи понятие «фонетическое слово» [Габучан, Ковалев, 1968, С.46]. Арабское фонетическое слово находится в полном соответствии со своим графическим отражением. Арабское фонетическое (графическое) слово может состоять из нескольких лексических (словарных) единиц (wa ra sa mi 0u ha 0a и-нарисовал-они-ее = одно фонетическое слово = одно графическое слово = 7 харфов = 7 графем 'И они нарисовали её').

Фонетически «выделенным» в звучащем арабском слове является харф.

«Выделение» в арабском однозначно соотносится с «паузой». Пауза имеет две разновидности: внешняя и внутренняя.

«Внешней паузой» является момент молчания, как предшествующий звучанию слова, так и наступающий после его звучания.

«Внутренней паузой» является харф, содержащий нулевой компонент: согласный или гласный (C0 или 0V).

Выделяется (= является ударным) **первый после «внешней паузы» харф** (= первый открытый слог) в последовательности 2,3,4,5 харфов, не имеющей «внутренней паузы» (**bi** ma? чем? 2 харфа CV CV. Ударный – первый; **ra** sa ma

нарисовал-он 3 харфа CV CV CV. Ударный – первый; ra sa ma t0 нарисовал-она 4 харфа CV CV CV C0 – последний с «внутренней паузой», которая предшествует «внешней». Ударный – первый; ra sa ma ta 0a нарисовал-(они обе) 5 харфов CV CV CV CV 0V – последний харф с «внутренней паузой», которая предшествует «внешней». Ударный – первый.)

Выделяется (= является ударным) каждый харф, предшествующий харфу с «внутренней паузой» вместе с этим харфом (= каждый закрытый слог и каждый слог с долгим гласным) (ra sa m0 tu нарисовал-я 4 харфа CV CV C0 CV - третий харф с «внутренней паузой»: ударные – второй и третий; ra sa m0 tu m0 нарисовал-вы 5 харфов CV CV C0 CV C0 – третий харф с внутренней паузой: ударные – второй и третий; ra sa m0 tu mu 0u ha 0a нарисовал-вы-вы-ее 8 харфов CV CV C0 CV CV 0V CV 0V – третий, шестой и восьмой харфы с «внутренней паузой»: ударные харфы – второй и третий, пятый и шестой, седьмой и восьмой).

Таким образом, фонетически выделяемые сегменты арабского слова опознаются либо по своим позиционным (быть в начале слова), либо структурным (иметь в составе харфа сукун-внутреннюю паузу, предшествовать такому харфу) характеристикам. И те, и другие наглядно наблюдаемы в письменной арабской речи. В ней, конечно же, беспрепятственно просматривается начальный сегмент каждого графического слова. В ней видимыми и отличимыми от других являются харфы, имеющие внутреннюю паузу-сукун с гласным – это три «слабых» харфа: 'alif (0a), wāw (0u), yā' (0i). В ней, в ее огласованной разновидности, представлены надстрочным знаком сукун все харфы, имеющие внутреннюю паузу-сукун с согласным.

РЕЗУЛЬТАТЫ

3. Межъязыковые соответствия ЦСЯ и ЛАЯ

Сопоставимыми и соотносимыми, ситуативно и функционально эквивалентными, обладающими порою объяснительной силой относительно друг друга на межъязыковом уровне, являются следующие феномены церковнославянского и арабского языков соответственно:

- буква укь, которая пишется в начале === надстрочный/подстрочный знак хамза с даммой – огласовкой, передающей гласный [u];
- буква онь, которая пишется, обычно, в начале слова и в середине - после гласного === надстрочный/подстрочный знак хамза с даммой – огласовкой, передающей гласный [u];

- ударения === харфы 'alif, wāw, yā', обозначающие звуки [ā], [ū], [ī] соответственно; сочетание двух харфов состава CV и C0;

- придыхания === надстрочный/подстрочный знак хамза с огласовкой фатхой, даммой или кясрой, передающими гласный [a], [u] или [i] соответственно.

ВЫВОДЫ

4. Языковое содержание, языковая форма и сопоставительные исследования

Выделенные нами межъязыковые соответствия имеют системный характер. Вероятнее всего предположить, что за ними скрываются общие закономерности устройства и функционирования человеческого речи, относимые к языковым универсалиям, которые составляют особый предмет исследования. Сопоставление же языков, ЦСЯ и ЛАЯ, в частности, демонстрирует специфику каждого из них в оформлении этих закономерностей. Представляется, что эти два древних языка, относящиеся как к литературным, так и языкам религиозной коммуникации, могли бы активнее включаться в процесс сопоставительных и контрастивных исследований во многом еще и потому, что они наглядно демонстрируют неисчерпаемые способности языковой формы как таковой к истинному «плюрализму» при выражении единого содержания разными и принципиально различными языковыми системами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М.М. Литературный язык. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 270-271.
2. Шмелев Д.Н. Литературный язык // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 197-198.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. 349 с.
4. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004. 249 с.
5. Тао Юань. Анализ универсалии предложений с «как» на основе параллельного корпуса русского и китайского языков // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 1. 2018. С. 3-20.
6. Габучан Г.М. Арабская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. С. 39-41.
7. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М. 2005. 367 с.

8. Нахимов Николай Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. (С.-Петербург, 1912) М. 1994. 355 с.
9. Иеромонах Алипий (Гаманович) «Грамматика церковно-славянского языка» М., 1991. 271 с.
10. Соболевский С.И. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. С-П., 2004. 613 с.
11. Виноградов В.А. Ударение. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 С. 530-531.
12. Габучан Г.М., Лебедев В.В. Арабистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 37-39.
13. Лебедев В.В. Движение и покой в арабском языковом механизме и в арабской языковедческой традиции. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М., 2014. С. 111-114.
14. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана // М.С. Мейер, Г.Р. Аганина, А.Р. Гайнутдинова, Д.В. Фролов / Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012. С. 63-224.
15. Сегаль В.С. Начальный курс арабского языка. М., 1962. 183 с.
16. Krahl, G., Reuschel, W. (1977). Lehrbuch des Modernen Arabisch. Teil I. Leipzig. 620 p.
17. Габучан Г.М., Ковалев А.А. «О проблеме слова в свете фактов арабского литературного языка» // Арабская филология. Издательство Московского университета. 1968. С. 40-51.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gukhman, M.M. (1990). Literaturniy yazyk. Lingvisticheskyi enciklopedicheskyi slovar [Literary Language. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 270-271. (In Russian)
2. Shmelev, D.N. (1987). Literaturniy yazyk. Literaturnyi enciklopedicheskyi slovar [Literary Language. Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 197-198. (In Russian)
3. Mechkovskaya, N.B. (1998). Yazyk i religia [Language and Religion]. Moscow. 349 p. (In Russian)

4. Ivanov, V.V. (2004). Lingvistika tretyego tysyacheletiya. Voprosy k buduschemu [Linguistics of the Third Millennium. Questions to the Future]. Moscow. 249 p. (In Russian)
5. Tao Yuan. (2018). Analiz universalii predlozheniy s «kak» na osnove parallelnogo korpusa russkogo i kitayskogo yazykov [Analysis of the Universal of Sentences with ‘How’ segment on the Basis of the Russian and the Chinese Language Parallel Corpus]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedeniye 1. pp. 3-20. (In Russian)
6. Gabuchan, G.M. (1990). Arabskaya yazykovedcheskaya tradiciya. Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar [The Arabic Language Studies Tradition. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 39-41. (In Russian)
7. Alpatov, V.M. (2005). Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [The History of Linguistic Doctrines]. Moscow. 367 p. (In Russian)
8. Nakhimov, N. (1994). Molitvy i pesnopeniya Pravoslavnogo Molitvoslova (dlya miryan), s perevodom na russkiy yazyk, obyasneniyami i primekaniyami (St.Peterburg, 1912) [Prayers and Chants of the Orthodox Prayer Book (for the laity), with Translation into the Russian Language, Explanations and Comments (St.Petersburg, 1912)]. Moscow. 355 p. (In Russian)
9. Hieromonk Alipiy (Gamanovich). (1991). Grammatika cerkovno-slavyanskogo yazyka [The Church Slavic Grammar]. Moscow. 271 p. (In Russian)
10. Sobolevskiy, S.I. (2004). Drevnegrecheskiy yazyk. Uchebnik dlya vischikh uchebnykh zavedeniy [The Ancient Greek Language. College Textbook]. St.Petersburg. 613 p. (In Russian)
11. Vynogradov, V.A. (1990). Udareniye. Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar [Prosody. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 530-531. (In Russian)
12. Gabuchan, G.M., Lebedev, V.V. (1990). Arabistika. Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar [Arabic Studies. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 37-39. (In Russian)
13. Lebedev, V.V. (2014). Dvyzheniye i pokoy v arabskom yazykovom mekhanizme i v arabskoy yazykovedcheskoy tradicii [Motion and Rest in the Arabic Language Mechanism and the Arabic Language Studies Tradition]. In: Lomonosovskiye chteniya. Vostokovedenie. Tezisy

- dokladov nauchnoy konferencii [The Lomonosov Readings. Oriental Studies. Scientific Conference Abstracts]. Moscow. pp. 111-114. (In Russian)
14. Aganina, G.R. (2012). Lingvisticheskiye osnovy orphoepii chteniya Korana [Linguistic Basics of Orthoepy for Reading Koran]. In: Meyer M.S., Aganina G.R., Gaynutdinova A.R., Frolov D.V. Sbornik posobiy po islamovedeniyu i koranovedeniyu [A collection of Textbooks on Islamic Studies and Koran Studies]. Moscow. pp. 63-224. (In Russian)
15. Segal, V.S. (1962). Nachalniy kurs arabskogo yazyka [Basic Arabic]. Moscow. 183 p. (In Russian)
16. Krahel, G., Reuschel, W. (1977) «Lehrbuch des Modernen Arabisch» Teil I. [Modern Arabic Language Textbook. Part I]. Leipzig. 620 p. (In German)
17. Gabuchan, G.M., Kovalev, A.A. (1968). O probleme slova v svete faktov arabskogo literaturnogo yazyka [On the Problem of Word in the View of Facts of the Arabic Literary Language]. Arabskaya philologiya. Izdatelstvo moskovskogo universiteta [Arabic Philology. Publishing House of the Moscow State University]. pp. 40-51. (In Russian)

Information about the author

Associate Professor, PhD Vladimir Vassilyevich Lebedev
Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
11-1 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 119019
lebedev@iaas.msu.ru